

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

МИР ИСТОРИКА

Историографический сборник

Выпуск 7

Издаётся с 2005 года

2011

УДК 930.1
ББК Т1(2)6
М630

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ОмГУ

Рецензент:

д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой специальных исторических дисциплин
и документоведения исторического факультета Южного федерального
университета (г. Ростов-на-Дону) *Н.А. Мининков*

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *В.П. Корзун* (отв. ред.), канд. ист. наук, доц. *С.П. Бычков* (отв. ред.),
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Алеврас*, д-р ист. наук, проф. *А.В. Антощенко*,
д-р ист. наук, проф. *В.Г. Рыженко*, д-р ист. наук, проф. *Г.П. Мягков*,
канд. ист. наук, доц. *А.В. Свешиников*, канд. ист. наук *М.А. Мамонтова*,
доц. *О.В. Кузнецова*, магистр истории *Н.А. Коновалова*

М630

**Мир историка: историографический сборник / под ред.
В.П. Корзун, С.П. Бычкова. – Вып. 7. – Омск: Изд-во Ом. гос.
ун-та, 2011. – 500 с.**

ISBN 978-5-7779-1325-8

Сборник посвящен датам, связанным с жизнью и деятельностью корифея отечественной исторической науки – Василия Осиповича Ключевского (1841–1911): 170-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины. Отдавая дань выдающемуся историку, публикуются статьи и документы, связанные с его научным творчеством и семейным окружением. Это обусловило и раскрытие в других разделах сборника ряда сопутствующих проблем функционирования историко-научного сообщества: влияние учителей на траектории жизненного пути и успехи учеников в науке, проблему коллективного и индивидуального в научном творчестве в широкой взаимосвязи политических, социальных, научных и личных контекстов.

Традиционной для сборника является проблема коммуникаций научного сообщества во всем их многообразии. Отдельный раздел посвящен корпоративной памяти исторического сообщества, особенностям ее формирования и трансляции в научной и общественной среде. Исследуются и проблемы теоретико-методологического характера современной истории, философии истории, историографии, науковедения.

Раздел публикации документов представлен материалами, включающими переписку, дневниковые записи, рецензии историков.

Для историков, историографов, науковедов, культурологов и всех интересующихся миром творца исторического знания.

**УДК 930.1
ББК Т1(2)6**

*Издание осуществлено в рамках Федеральной целевой программы
«Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.»,
государственный контракт № 02.740.11.0350*

ISBN 978-5-7779-1325-8

© ФГБОУ ВПО «Омский госуниверситет
им. Ф.М. Достоевского», 2011

© Общество интеллектуальной истории, 2011

СООТНОШЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО В ТВОРЧЕСТВЕ ИСТОРИКА. УСЛОВИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Б.Г. Могильницкий

Творческая лаборатория историка: дихотомия индивидуального и коллективного начал в его деятельности

В обозначенной дихотомии приоритетной является личность историка, его творческая индивидуальность, профессиональное мастерство и гражданская позиция. Он несет персональную ответственность за все им созданное, за все свои удачи и провалы. Из деятельности отдельных историков складывается вся история исторической науки. Однако не всегда должное внимание уделяется коллективному компоненту в творчестве историка. Ибо ни один ученый не может существовать в безвоздушном пространстве. На него влияют не только социально-политические и научные реалии, но и его непосредственное окружение, так или иначе участвующее в сотворчестве: научные редакторы его произведений, коллеги, с кем обсуждались их основные идеи, чтение их трудов и размышления над прочитанным. В своей совокупности они составляют часть личности историка, его научного Я.

Попытаюсь показать это на собственном опыте такого сотрудничества. Я с благодарностью вспоминаю дружеское общение с коллегами из Московского, Казанского, Омского и других научных центров и знакомство с их трудами, создававшими ту ауру, в какой происходит работа исследователя. Отдельно хочу сказать об университетском педагоге, о значении в его работе тесного

общения со студентами. Обучая, он учится сам, «обкатывая» в студенческой аудитории свои идеи и предъявляя их на суд своего рода студенческой экспертизы. Одни из них воспринимаются безоговорочно, другие приходится адаптировать к слушателям, третьи – радикально трансформировать. Едва ли поэтому будет ошибочно квалифицировать учебную работу как дорогу с двусторонним движением, творческий процесс, активной стороной которого являются студенты.

Особенно высока роль научного редактора, могущего усилить работу, а подчас даже придать ей неожиданный для самого автора ракурс. Я безгранично благодарен редактору многих моих книг Ирине Юрьевне Николаевой, принимавшей деятельное участие на всех стадиях их подготовки, начиная с обсуждения замысла и оканчивая подведением итогов, промежуточных и окончательных. Только благодаря доброжелательному и в то же время взыскательному стилю ее редакторской работы я смог решать поставленные в этих книгах задачи.

Итак, в основе деятельности историка лежит сплав индивидуальных (личностных) и коллективный (объективных) качественностей, определяющих эту деятельность. Это родовая черта исторического познания, характеризующая его природу. Она поддается генерализации, о чем я собираюсь говорить дальше. Историческое познание является по своей природе объективно-субъективным. Оно включает в себя как черты, указывающие на возможность научного познания прошлой действительности, так и черты, препятствующие достижению этой цели, угрожающие самому существованию исторической науки, что воплотилось в постмодернизме. Постмодернистское «уничтожение истории» исключает историю из научного дискурса, изгоняя в область безответственного сочинительства.

Действительный вопрос заключается в определении характера, относительности исторического знания и в то же время его способности давать адекватное, непрестанно совершенствующееся знание о прошлом. По своей значимости для историка важнейшим является воображение, но строго контролируемое самим историком, чьим неизменным спутником является сомнение. Оно, в свою очередь, порождает неуверенность историка, предостерегающую его от самонадеянности в оценке достигнутых результатов.

Такое обоснование доминат познавательного процесса получило классическое выражение в творчестве Натали Земон Дэвис, возводящей состояние неуверенности историка в ранг ключевого эпистемологического принципа. Прежде всего это нашло свое выражение в ее интерпретации поведения основных персонажей книги о Мартене Герре. Завершая книгу, она приходит к неутешительному выводу, что его история даже для ученого, пытающегося разглядеть ее смысл, по-прежнему остается во всей своей непроницаемой жизненности. «Думается, – пишет автор, – мне удалось разглядеть подлинные черты минувшего. Или Пансет (брюхо, прозвище самозванца. – *Б.М.*) провел меня опять»¹.

Время исследователя и время, в каком живут его персонажи, различие их мировоззрения и ценностных ориентаций, наконец, его гендерный статус... В этих параметрах вершится историческое познание, их коллизия обуславливает относительность его результатов, принадлежащих определенному времени и определенному исследователю. Вот почему Н.З. Дэвис по прошествии 15 лет после написания своей знаменитой книги констатировала: «История Мартена Герра все еще не закончена. Много еще может быть сказано о ней и многое уже говорится»².

В несколько ином плане к проблеме относительности и, следовательно, незавершенности исторического познания она возвращается в своей последней книге «Дамы на обочине» (1994). Ее предваряет пролог, имеющий точные пространственно-временные координаты: Страна Воображения. Октябрь 1994. Таким образом, мы вновь имеем дело с авторским воображением и снова оно подкрепляется разнообразными источниками (мемуары и дневники героинь, их сложные отношения со своими детьми, путешествия и т. п.). Их круг значительно шире, чем в первой книге, где автор оперирует косвенными источниками или хорошо известным специалистам описанием судебного процесса в Тулузском парламенте, где рассматривалось дело Герра (Ж. де Кора «Достопамятный приговор»).

¹ Дэвис Н.З. Возвращение Мартена Герра. М., 1990. С. 183.

² Дэвис Н.З. Еще раз о самозванцах: от Мартена Герра до Соммерс Велла // Homo historicus. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. Кн. II. М., 2004. С. 174. Впервые эта статья была опубликована в 1977 г.

Но принципиально новым было другое. В книге расширились пространственно-временные и концептуальные рамки гендерного подхода Дэвис. Впервые она покидает свой излюбленный юг Франции XVI в., где ее главное внимание привлекало положение народных низов, и исследует жизнь трех незаурядных европейских женщин XVII в. с иным социальным статусом, другими ценностными установками и ориентирами. Непосредственно обращаясь к своим героиням, автор формулирует цель книги: «Я показала, чего могли добиться женщины вашего круга. Меня интересовали в первую очередь преимущества "обочины" – того маргинального положения, которое вы занимали в обществе. Вас объединяла предприимчивость. Каждая из троих пыталась совершить нечто доселе неслыханное. Мне хотелось разобраться в истоках вашей предприимчивости, вашей страсти к приключениям, в том, какой ценой они давались в XVII в.»³.

Эта цель достигается на страницах трех обширных частей книги, каждая из которых посвящена одной из ее героинь. Еврейка Гликль, француженка католичка Мари, протестантка, родившаяся в вольном имперском городе Мария Сибилла Мериан. Три разные жизни, но разыгранные, как выражается автор, на общем поле, рожденном Ранним Новым временем. «Больше всего, – пишет Дэвис, – их объединяет манера работы, которую можно назвать женским вариантом ремесленно-торгового стиля. Все трое обладали компетентностью... они легко приступали к действию, легко пользовались умениями и навыками, которые требовались в данную минуту, независимо от того, в чем состояла проблема: нужно ли было восполнить потерю кредита и ущерб от пожара или решиться на новое предприятие»⁴.

Н.З. Дэвис настаивает на равноценности в этом отношении своих героинь. Думается, однако, что в наибольшей степени духу XVII в. отвечали метаморфозы, по словам автора, в жизни Марии Сибиллы Мериан. Уже молодой она получила известность как художница. Но подлинную славу Мериан принесли ее многочисленные энтомологические исследования и альбомы, удостоившиеся

³ Дэвис Н.З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII в. М., 1999. С. 8–10.

⁴ Там же. С. 237–238.

внимания самого К. Линнея, создавшего в XVIII в. систему растительного и животного мира. Ее книги часто упоминаются шведским естествоиспытателем, присвоившим в своей классификации одному из видов бабочек название *Merianella*. Мария Сибилла – признанный член университетского сообщества у себя на родине, в Амстердаме, хотя как женщина формального доступа в профессорскую корпорацию она была лишена.

Не называя ее другие метаморфозы, отмечу вслед за Н.З. Дэвис главную смену ее мировоззрения. Суть этой смены, начавшейся уже в Амстердаме, но получившей полное развитие во время двухлетнего путешествия с младшей дочерью Доротеей в голландскую колонию на северо-востоке Южной Америки Суринам, Дэвис усматривает в изменении отношения к Божественному промыслу. Оно проявилось в вышедшей в 1705 г. в Амстердаме на голландском и латинском языках книге «Метаморфоз суринамских насекомых».

Н.З. Дэвис замечает, что в «Метаморфозе» имеется всего одно упоминание о Боге – в предисловии, где выражается надежда, что пока Господь дарует ей жизнь, она сумеет осуществить задуманное. «Но это единственное, – пишет автор, – упоминание Господа во всем тексте: природа Суринама не нуждалась ни в каких подпорках». Дэвис признает, что Мериан продолжала верить в Бога как Творца. Однако со временем, покончив с былой восторженностью, она пришла к бесстрастному ощущению божественного присутствия и его власти в мире. «Она сделала это спокойно, постепенно и, видимо, не участвуя напрямую в бурливших вокруг нее в Амстердаме спорах о деизме, атеизме и витализме. Вместо силы, постоянно движущей природными изменениями, Бог стал трансцендентальным Творцом. Былой восторг перед присутствием Господа сменился восхищением перед плодами его творения»⁵.

В заключение немного о «русском следе» в посмертной судьбе Мериан, который прослеживает Н.З. Дэвис. Ее акварели были приобретены Петром I и его преемниками для коллекции Петербургской Академии наук. Эти акварели привезла младшая

⁵ Дэвис Н.З. Дамы на обочине... С. 212.

дочь Мериан Доротея, тоже художница, у которой, по выражению Дэвис, с Россией была связана частица жизни. В год смерти матери она вместе с мужем художником приехала в Петербург, где писала цветы и птиц для царской Кунсткамеры, а также вместе с ним преподавала в незадолго перед этим организованных художественных классах Академии наук. Выставленные в Кунсткамере картины Мериан наряду с полотнами Рембранта стали фактом культурной жизни высшего офицерства и чиновничества. «Более того, – автор приводит интересную деталь, – они стимулировали прошедшую через всю жизнь страсть к собиранию бабочек у Владимира Набокова. Ему было около восьми лет, когда в 1907 г., роясь на чердаке родительского дома в окрестностях Санкт-Петербурга, будущий писатель наткнулся на книги своей бабушки с материнской стороны, которая тоже увлекалась природой. Он сошел вниз, нагруженный «ворохом совершенно восхитительных фолиантов», главным из которых для него стала книга Марии Сибиллы Мериан о суринамских насекомых. Так, демонстрируя значимость творчества Мериан, Дэвис протягивает нить вплоть до XX в.

Итак, на конкретном историческом материале Н.З. Дэвис раскрывает относительность исторического познания, демонстрируя достоверность наших знаний о прошлом и, вместе с этим, их неисчерпаемость. Соотношение этих начал не является постоянным, изменяясь в зависимости от авторских намерений и возможностей их реализации. Сопоставляя в этом плане две книги Дэвис, заметим, что во второй соотношение между воображаемым (личностным) и достоверным (фактическим) изменяется как следствие значительного расширения круга источников, на которые опирается автор. Но это не меняет существа ее исследовательской эпистемологии.

Разительный пример демонстрирует Н.З. Дэвис, рассматривая последние прижизненные и посмертные переиздания трудов Мериан. Этим она завершает дискурс, повествующий о жизненном пути своей героини, не только детально воссоздавая его фактическую канву, но и убедительно объясняя сопровождавшие жизнь Марии Сибиллы духовные переломы (метаморфозы). И вдруг неожиданное заключение, заставляющее вспомнить концовку «Воз-

вращения Мартена Герра («или Пансет опять обманул меня?»): «Мария Сибилла Мериан снова ускользает от нас. Мы опять не можем определить, кто она такая»⁶.

Взаимосвязь индивидуального и коллективного в творчестве историка получила на теоретическом уровне глубокое обоснование в учении Макса Вебера об идеальном типе. Его эпистемологической интенцией является убеждение в научности истории. Критикуя неокантианскую методологию, он писал: «И сами историки в своем стремлении обосновать своеобычность истории как профессии способствовали предубеждению, согласно которому "историческое" исследование есть нечто, качественно иное, чем "научная работа", так как "понятия" и "правила" не представляют интереса для историка»⁷. Веберовский идеальный тип служит доказательству научности истории, воплощая единство общего (коллективного) и частного (индивидуального) в получении достоверного знания о прошлом.

Самое его конструирование начинается с индивидуального (личного). Ведь идеальный тип есть мыслительная конструкция, не существующая в исторической действительности. Иначе говоря, он всецело находится в голове историка, рождается на письменном столе исследователя, выражая его общенаучные и идейные предпочтения. Но, подчеркивает Вебер, он конструируется не произвольно, а путем «мыслительного усиления определенных элементов действительности». Мы вправе поэтому заключить, что для него в познавательном процессе первичной является объективная реальность, в чем выражается коллективное начало в работе историка, объективированное деятельностью многих поколений исследователей.

Присмотримся к тому, как М. Вебер, отправляясь от жизненных реалий, конструирует идеально-типическое понятие капитализма. Он пишет об абстрактной экономической теории, дающей идеальную картину происходящего на капиталистическом рынке, и продолжает: «Этот мысленный образ сочетает определенные связи и процессы исторической жизни в некий лишенный внутрен-

⁶ Дэвис Н.З. Дамы на обочине... С. 248–249.

⁷ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 417.

них противоречий космос мысленных связей. По своему содержанию данная конструкция носит характер утопии, полученный посредством мысленного усиления определенных элементов действительности»⁸. Идеально-типическое понятие выступает здесь средством выявления ее каузальных связей. «Идеальный тип, – заключает М. Вебер, – не "гипотеза", он лишь указывает, в каком направлении должно идти образование гипотез. Не дает он и изображения действительности, но определяет для этого однозначные средства выражения».

Не оставаясь в области теории, эта характеристика идеального типа получила последовательное воплощение в историографической практике Вебера, в частности, в его анализе становления новоевропейского капитализма. Важнейшим достоинством создаваемого таким образом идеально-типического понятия генезиса капитализма является его пластичность. В органическом единстве индивидуального и коллективного начал он выделяет только один аспект. «Нас, – писал он, формулируя цель своих изысканий, – интересует возникновение буржуазного промышленного капитализма с его рациональной организацией свободного труда, а в культурно-историческом аспекте возникновение западной буржуазии во всем ее своеобразии»⁹.

Исходным посылом своего анализа М. Вебер провозглашает обусловленность хозяйственного мышления, «этоса» капиталистической формы хозяйства протестантской этикой. Он приходит к выводу, что наиболее адекватной формой для капиталистического производства является протестантизм, который стал фактором, позволившим как бы синтезировать присущие европейскому капитализму рациональные начала, но здесь же отвергает «нелепый доктринерский тезис, будто капитализм как хозяйственная система является продуктом Реформации»¹⁰. Вебер не претендует на всестороннее освещение генезиса капитализма и однозначное выявление всех его причин. Взамен этого он конструирует идеально-типическое понятие Реформации, раскрывающее лишь одну сторону культурно-исторического процесса становления капи-

⁸ Вебер М. Избранные произведения. С. 389.

⁹ Там же. С. 53.

¹⁰ Там же. С. 106.

талистических отношений, что предполагает возможность иных интерпретаций генезиса современного капитализма, создания других его идеально-типических понятий.

Вследствие этого учение М. Вебера об идеальном типе выигрывает по сравнению с марксистским формационным подходом, исходящим из признания существования в изучении истории вообще и генезиса капитализма, в частности, одной единственной истины. Между тем постулированное им «позитивное преодоление исторического материализма» допускало существование как научно обоснованного, идеально-типического понятия марксова учения о первоначальном накоплении капитала. Рассматриваемые в таком плане концепции двух мыслителей не опровергают, а дополняют друг друга. Здесь уместно вспомнить сформулированный датским физиком Н. Бором «принцип дополнительности», согласно которому при экспериментальном исследовании микрообъекта могут быть получены две взаимоисключающие картины, дополняющие друг друга. Если понимать этот принцип расширительно, он как нельзя лучше демонстрирует эвристическое значение веберовской категории идеального типа. Субъективизируя историческое познание, она вместе с тем обосновала возможность использования различных методологий для создания обобщающего образа определенного культурно-исторического явления.

Следующий большой шаг, акцентирующий значение личностного начала, связан с «антропологическим поворотом» в развитии нашей науки. Под влиянием культурной антропологии произошел заметный сдвиг от исследования объективных процессов и структур к изучению обыденного сознания людей прошлого, к их обычаям и ценностям, к их психическим установкам, стереотипам восприятия и моделям поведения (Л.П. Репина). Еще М. Вебер указывал на значение антропологического подхода в историческом исследовании, но признавал отсутствие для этого реальных возможностей. Сейчас они появились. Во многом они связаны с изучением бессознательного в поведении отдельных личностей и малых или больших социальных общностей.

Одним из наиболее перспективных современных направлений в изучении бессознательного является разработанная Ириной Юрьевной Николаевой теория полидисциплинарного синтеза. В

ее фокусе, поясняет автор, «проблема синергии рационального и неосознаваемого, проблема выявления пластики эмоциональных реакций и конструкторов сознания, проблема «"наведения мостов" между коллективными и индивидуальными ментальными установками, проблема изменчивости ментальных структур в их системной взаимосвязи с историческим контекстом и, наконец, проблема верифицируемости полученных результатов»¹¹.

Именно процесс верификации привлекает главное внимание Николаевой, обращающейся к поиску средств, способных обеспечить полидисциплинарный синтез в изучении истории. Важнейшим условием его провозглашается близость и взаимодополняемость по своим методологическим основам комплекствующих междисциплинарных моделей. Замечая, что в нынешнем гуманитарном знании для этого имеются все необходимые ресурсы, И.Ю. Николаева особо выделяет теории установки, идентичности, габитуса, социального характера, принадлежащие таким выдающимся ученым, как Э. Фромм, Э. Эриксон, П. Бурдьё, Д. Узнадзе и др. Эти теории, пишет она, «роднит и то, что бессознательное трактуется как система, включающая не только глубинные или природные структуры человеческой психики, но и накопленный культурный багаж стереотипов, сформировавшийся при непосредственном участии сознания, однако в силу целого ряда причин, существующих и действующих в границах данной системы в режиме неосознаваемости»¹².

Специально подчеркнута цельность исторической теории Николаевой. Сосредоточенная на выявлении роли бессознательного в истории, она, в отличие от иных адептов этого направления, не абсолютизирует его. Бессознательное рассматривается в купе с сознательным. Они равноценные факторы исторического процесса и в одинаковой степени заслуживают внимание исследователя. Ибо вне учета полученного рациональными методами осознанного бессознательное, словно в калейдоскопе, рассыпается на бесчисленные не связанные между собой частицы. Основываясь на своей исследовательской технологии изучения бессознательного,

¹¹ Николаева И.Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск, 2010. С. 19.

¹² Там же. С. 47.

И.Ю. Николаева делает принципиальное уточнение: «Далеко не всякие концепции могут быть привлечены для нужд исторического анализа, а лишь те, которые включают в себя социоисторическое измерение его функционирования»¹³. Отсюда следует, что в процессе исторического исследования категории бессознательного и сознательного не противостоят, а взаимодополняют одна другую.

Эти постулаты воплотились в анализе множества событий и персонажей из истории античности, Средних веков, Новой и Новейшей истории вплоть до современности. На обширном историческом материале И.Ю. Николаева в процессе изучения модернизации ставит проблему исторической альтернативности как проблему непосредственного политического действия. Изучение обстоятельств, оказывающих решающее воздействие на реализацию в исторической действительности той или иной объективной возможности, играет важную роль в практической политике, что придает особую актуальность методологии Николаевой. О том, как изящно это делается, свидетельствует ее анализ казуса со снохачами в докладе, вызвавшем оживленную дискуссию на одной из всероссийских конференций¹⁴.

Этот казус И.Ю. Николаева включает в широкую социально-историческую перспективу, обогащающую понимание важнейших проблем отечественной истории XX в. Ее свободный от всякой ангажированности подход, пронизанный высокой гражданской ответственностью, обнажает интенцию исторической теории Николаевой, ее нацеленность на обоснование роли исторической науки в современном мире.

Но вернемся к заявленной в заголовке статьи теме. Дихотомия личностных и коллективных начал в творческой лаборатории историка обретает новый ракурс – эти начала символизируют субъективную и объективную стороны исторического процесса. Они, конечно, взаимосвязаны. Но историк концентрируется на изучении субъективной стороны. Именно она в первую очередь интересует его как историка, изучающего прошлую действитель-

¹³ Николаева И.Ю. Полидисциплинарный синтез... С. 46.

¹⁴ Николаева И.Ю. Ментальность гендерного казуса в свете теории модернизации // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория историографии и практика конкретных исследований. М., 2004. С. 104–118.

ность в ее конкретике, включающей действие исторической случайности, подчас значительно нарушающей «нормальный ход истории». Этим она и привлекательна не только для профессионала, но и для массового читателя. Образно говоря как для профессора российской истории, так и для ее внука, жадно поглощающего исторические сочинения и гордо именующего себя историком. В этой переливающейся всеми красками стихии и вершится история, порождая противоборствующие альтернативы ее дальнейшего, подчас непредсказуемого движения.

Здесь всего сильнее проявляется личностное начало в истории, делающее ее таковой. Но это же начало неотвратимо ведет ее к политизации, превращает в политическую науку. Отсюда, в свою очередь, проистекает постоянное переписывание истории, а нередко и прямая ее фальсификация. Многообразны рычаги, с чьей помощью осуществляется давление на историю. В их числе – прямое или косвенное государственное принуждение. Здесь уже вступает в действие коллективное начало, персонифицированное в деятельности государства. Вслед за Йоханом Хейзингой подчеркнем, что XX в. сделал историю как никогда прежде «орудием лжи на уровне государственной политики». Никакие восточные деспотии в своих фантастических «свидетельствах» не обращались с историей так, как это делает современное государство. Поэтому, предупреждает он, «историческое сознание нашего времени должно быть бдительным, дабы не были воздвигнуты от имени истории кровожадные идолы, которые поглотят культуру»¹⁵.

Этот призыв еще более актуален в наши дни, когда способы давления на историю стали еще многообразнее и изощреннее. Так проявляется угроза уродливой политизации истории, превращения ее вследствие перекрестного влияния личностных и коллективных факторов в самую неточную из наук. Признаем в этом негативный результат действия принципа партийности в историческом познании.

Ходячим является отождествление его с марксисткой (марксистско-ленинской) партийностью. В действительности, однако, принцип партийности был провозглашен и обоснован школой

¹⁵ Цит. по: *Тавризян Г.М.* Йохан Хейзинга: кредо историка // Хейзинга Й. *Homo Luders. В тени завтрашнего дня.* М., 1992. С. 430–431.

историков-малогерманцев, потребовавшей устами лидера школы Генриха Зибеля писать историю «с гневом и пристрастием».

Это требование было научно плодотворным, обогащавшим понимание исторической действительности. Об этом свидетельствовала историографическая практика малогерманцев, отмеченная выдающимися достижениями в изучении истории Древнего Рима (Т. Моммзен), истории Великой французской революции в широком контексте международных отношения (Генрих Зибель), теоретико-методологических проблем исторической науки (И.Г. Дройзен) и т. п. Известны и другие замечательные результаты, полученные благодаря применению принципа партийности в историческом исследовании (французская историография периода Реставрации, труды И.Д. Ковальченко и его школы) и многие другие. Иное дело, что он нередко дискредитировался как в зарубежной, так и в отечественной историографии. Поэтому трудно согласиться с максимой, провозглашавшей идеалом западной историографии объективность, а советской – партийность (П. Гейл).

Действительность рисует иную картину взаимоотношений между принципами объективности и партийности, построенных на гораздо более сложных началах, обнимающих обе стороны исторического процесса – объективную и субъективную. Их неразрывное единство выдвигает значение познающего субъекта, личности историка, стремящегося и находящего адекватные возможности в партийном подходе, исполненном твердыми гражданскими обязательствами. Только придерживаясь высоких профессионально-этических норм, интересующийся прошлым сочинитель станет настоящим историком. Вот почему становление нашей науки шло рука об руку с обретением ею нравственного начала. Заметное уже в античной историографии (оценка Греко-персидских войн, деятельность Перикла, Фемистокла и других античных персонажей), она получила своеобразное развитие в историческом богословии (Августин Блаженный, Оттон Фрейзингенский, Абельяр, Жан Бени Боссюэ и т. п.).

На прочные нравственные основания опиралось изучение Нового времени. Ему стало отводиться первенствующая роль в нравственном воспитании народа, определяющем его настоящее и будущее. Выражая общее на этот счет мнение, Тимофей Нико-

лаевич Грановский воскликнул: «Да, история великая наука и что бы вы ни говорили об естественных науках, они никогда не дадут человеку той нравственной силы, какую она дает»¹⁶. Поэтому она воспринималась современниками даже больше чем наука. Как восторженно писал один из них, «история есть религия нашего времени»¹⁷.

Это поклонение смели обе мировые войны, поднявшие волну мучительной переоценки возможностей исторического познания. Ее результаты позднее лаконично сформулировал американский историк Генри Стил Коммаджер: «История лежала в обломках. Историки не только не смогли предсказать будущие войны, они не смогли объяснить войны уже прошедшие»¹⁸. Другой влиятельный американский историк Карл Беккер, задаваясь вопросом, какое влияние оказали исторические исследования на современную общественную жизнь, смогли ли ограничить глупость политиков и просветить народные массы, с горечью писал: «Во всяком случае, накопленные за целое столетие исторические знания не смогли предотвратить мировую войну, представлявшую собой самый бессмысленный акт иррационализма, ...когда-либо совершенный цивилизованным обществом». Продолжая эту мысль, ученый с нескрываемой горечью выносит убийственный приговор своей дисциплине: «Я не хочу сказать, что историческая мысль несет ответственность за мировую войну. Я заявляю: она вообще не повлияла на положение вещей»¹⁹.

В несколько ином ракурсе, окрашенном ненавистью к революции, тема бессмысленности истории звучала в русской общественно-философской исторической мысли. Пронизанная ощущением конца истории, она предвещала торжество дьявольских сил, приход Антихриста. «Головокружительные успехи современной техники, используемые темными силами зла для уничтоже-

¹⁶ Т.Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. II. С. 449.

¹⁷ Цит. по: *Koselleck R. Wozu noch Historie? Historische Zeitschrift. 1971. Bd. 212. H. 1. S. 8.*

¹⁸ *Commager H.S. The American Mind. An Interpretation of American Thought and Character Since the 1888-9. London, 1950. P. 290.*

¹⁹ *Besker C.L. What are historical Facts? // The Philosophy of History in our Time. N. Y., 1959. P. 136-137. Впервые опубликовано в 1926 г.*

ния людей, – писал знаменитый философ Е.Н. Трубецкой, – привели к столь же головокружительному морально-религиозному падению человека и человечества. Имело место апокалипсическое явление зверя, выходящего из бездны, облеченного в плоть и кровь. Этим зверем явилась революция, в результате которой Россия стала очагом мирового пожара, угрожающего гибелью всемирной культуры»²⁰.

Особую позицию в этом вопросе занимал крупнейший историк Роберт Юрьевич Виппер, который в отличие от американских авторов не просто оплакивал старую историческую науку за ее неспособность оказывать реальное влияние на жизнь, но искал пути реформирования истории с тем, чтобы она соответствовала новым общественно-политическим реалиям. Кризис исторической науки он рассматривал как прямое следствие переживаемой эпохи, характеризующейся не только крутой ломкой всего привычного порядка вещей, но и необычайным обогащением жизненного опыта, что вело к радикальному пересмотру всей системы исторических представлений. «Бывают эпохи, – заключал русский ученый, – когда хочется сказать как раз обратное: не история учит понимать и строить жизнь, а жизнь учит толковать историю»²¹.

Потребовалось переосмысление самого предмета истории: место истории состояний должна занять история событий. В изучении и преподавании взамен социальной истории на первый план выдвигается политическая история и история международных отношений. «Посмотрите, – обращался Виппер к своим слушателям, – куда направляется наш интерес: к событиям, войнам, революциям, драматическим конфликтам, сражениям, переворотам, боям, воинственным организациям, громадным захватам. Нам хочется наблюдать массы не в состояниях, не в классовом их делении, изучать их не в порядке описания, а в их действиях, в резких поворотах»²². С такой трактовкой кризиса исторической

²⁰ См.: Чагин Б.А., Клушин В.И. Борьба за исторический материализм в СССР. Л., 1975. С. 14–16.

²¹ Виппер Р.Ю. Состояния и события, массы и личности, интересы и идеи // Рубеж. Альманах социальных исследований. № 5. Казань, 1994. С. 69. Впервые опубликовано в кн.: Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921.

²² Виппер Р.Ю. Состояния и события... С. 76.

науки в полной мере согласиться нельзя. Но Р.Ю. Виппер прав, предостерегая против третирирования событий истории и сосредоточения всего внимания на изучении социокультурных состояний в отрыве от быстротекущей жизни, оказывающей подчас существенное воздействие на всю конфигурацию исторических сил.

Иначе говоря, размышления Виппера подтверждают положение о роли личности, приобретающей особо выдающееся значение в переломные исторические эпохи. Там самым мы возвращаемся к нравственному началу в историческом познании, но под другим углом зрения. Будучи атрибутом истории, оно, однако, играет в ней не одинаковую роль. У разных научных направлений и школ нравственные основания зиждутся на различных идейно-теоретических принципах, способствующих или препятствующих совершенствованию общества, а с этим вместе увеличивается и значение индивидуального/личностного начала в структуре исторического знания, которое со временем все возрастает. Ибо по экспоненте увеличивается значение созидательной или разрушительной деятельности человека в истории. Никак не сбрасывая со счетов роль объективных обстоятельств, согласимся все же, что проблема исторического выбора является в возрастающей степени проблемой человеческого выбора. Его непосредственное воздействие на развитие общества, в особенности в его переломные моменты, становится определяющим в общественной жизни. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить с нашими днями, например, становление феодального строя. Вопреки утвердившимся представлениям, в такие моменты личность может быть творцом истории, вершащим с позитивным или негативным знаком судьбы страны и мира.

История каждого народа отражает его духовные искания, составляющие мерило его духовной мощи, место в мировом сообществе, подлинное величие. Ведь, вспомним П.Я. Чаадаева, внимание, какое народы к себе возбуждают, зависит от их нравственного влияния в мире, а не от шума, какой они производят. Нам есть, что сказать миру. Великая русская литература является неиссякаемым источником нравственного обогащения человечества. Но история нашей страны также знает inferнальные выбросы зла, взрывы архаического сознания, патерналистское чувство, подав-

ляющие вековые социокультурные наработки, тормозящие модернизационные процессы.

Эти присущие всякому народу контрасты, конечно, затрудняют научную оценку прошлого и настоящего России. Но тем ответственнее роль исторического знания, нащупывающего путь к ней. Это не простой путь, не имеющий готовых решений, зависящий от личных качеств идущих по нему историков. Вот почему является конструктивной разработанная редакционной коллегией 7-го Омского историографического ежегодника «Мир историка» программа, постулирующая особый интерес к личности историка-творца исторического знания. Это «долгоиграющая» программа, позволяющая обнаружить новые, на первый взгляд неочевидные, аспекты изучаемой проблемы. Внутренний мир историка превращается в изучаемый им мир истории. Все совершающиеся там события и процессы объективированы в обстоятельствах, определяющих его конфигурацию. Но их конкретные выражения, равно как и интерпретация, всецело зависят от личности историка, всего разнообразия, словно оттенки радуги, его пристрастий: от идейно-теоретических убеждений до тех или иных научных предпочтений. Так совершается вечный круговорот индивидуального/личного и коллективного/объективного в истории. В этом круговороте происходит поступательное движение исторической мысли, открывающее новые эпистемологические горизонты. Благодаря этому совершенствуется понятийный инструментарий исследователей, изучающий, в том числе, соотношение объективной и субъективной сторон исторического процесса.